

Чжу Ди был четвёртым сыном Чжу Юаньчжана. В одиннадцать лет ему был пожалован титул Янь-вана, а в четырнадцать лет он последовал за армией Лань Юя в военный поход и разгромил остатки войск Северной Юань на реке Керулен. По возвращении, в двадцать один год, он стал удельным князем Пекина и с тех пор стал сильнейшим северным щитом династии Мин.

В народе сложилась поговорка: «Удельный князь Янь-ван — точно неприступная крепость».

С севера, начиная от озера Буир до Великой стены на юге, с примыкающего на западе Шёлкового пути и заканчивая заставой Цзяюйгуань на востоке. Пока Чжу Ди стоял на страже этих земель, остатки войск Северной Юань не осмеливались безрассудно продвигаться на юг.

Внешностью Чжу Ди пошел в мать, однако при дворе никто не знал, кем она была. Все поговаривали, что облик Янь-вана сильно отличался от Чжу Юаньчжана.

У Чжу Юаньчжана были узкие глаза, широкий нос, орлиный взгляд и тигриная поступь.

Чжу Ди же обладал густыми прямыми бровями, блестящими как лак глазами, высокой переносицей и тонкими, будто вырезанными ножом, губами. Взгляд его часто светился лукавством. Поскольку он долго прослужил в армии, в нем прослеживалась та самая изворотливость, какая бывает у старых вояк. Внешне он казался беспечным, но в душе был очень расчетлив.

Примета гласит, что люди с тонкими губами — самые бессердечные. Но Юньци был иного мнения. По крайней мере, к Сюй Цин Чжу Ди относился исключительно хорошо, а уж к ее семье и подавно проявлял немалую щедрость.

Как и ожидалось, Чжу Ди смахнул полы халата, уселся и сказал:

— Твоя сестра велела мне спросить, зажили ли раны от тех двадцати батогов, которые ты принял за внука императора? Через три дня похороны старшего брата. Я замолвлю перед императором слово и заберу тебя с собой в Пекин, чтобы ты там подлечился и мы могли собраться в семейном кругу.

Юньци подал чай, горько усмехнулся и ответил:

— Я бы и рад отпроситься погостить в твоих владениях, да только взгляни на нынешнюю обстановку, разве я могу уехать?

Чжу Ди ответил:

— Не беда. Пусть за всем останется присматривать Фэн-эр. Я сам поговорю за тебя.

Юньци поспешно возразил:

— Если мы оставим его одного и что-нибудь случится, боюсь, он не справится.

Чжу Ди какое-то время смотрел на Юньци, так что тому стало не по себе.

Юньци фыркнул:

— Всего-то на десять лет нас старше, а уже бесстыдно зовешь нас «Фэн-эр» да «Юнь-эр», словно старик!

Чжу Ди рассмеялся, с живым интересом промолвив:

— Тоба Фэна я подобрал и взял к себе домой, он мне как сын. Как же мне его называть, если не «Фэн-эр»?

Зять и шурин перекинулись несколькими небрежными фразами. Речь шла исключительно о столичных новостях и политической обстановке. Чжу Ди, годами охранявший Пекин, плохо разбирался в тонкостях дел нанкинского двора. Юньци же, без особой опаски, подробно изложил все, что творилось у подножья трона. Под конец, говоря о Лань Юе, они оба долго и тяжело вздыхали.

Чжу Ди покачал головой и вздохнул:

— Когда я выступил в поход с генералом Ланем, он немало меня наставлял в построении войск и тактике. Если разобраться, если бы не Лань Юй тогда, я бы не смог добиться боевых подвигов и получить удел в Пекине.

— То, что я достиг нынешнего положения, в конечном счете, заслуга Лань Юя.

Юньци насмешливо бросил:

— Вот только боюсь, что хоть ты и благодарен ему, он в мире ином вряд ли это оценит. Помнится, я как-то хотел устроить пир и позвать вас обоих за один стол, так Лань Юй еще тогда сказал, что ты исполнен дурных намерений. Кажется, будто ты был для него бельмом на глазу.

Они обменялись взглядами и рассмеялись. Чжу Ди вдруг принял серьезный вид:

— Этот князь и вправду законопослушный и добропорядочный житель...

Юньци не знал, смеяться или плакать:

— Ну давай, продолжай чесать языком, только смотри, как бы его не свернуло от ветра. — С этими словами он сделал вид, что встает, и добавил: — Удельные князья — сановники на местах. Пореже общайся с придворными, иначе эта кучка гражданских чиновников подловит тебя, и тогда я не смогу тебя спасти.

— Не буду тебя провожать. Когда вернешься домой, передай привет моей сестре.

Чжу Ди улыбнулся:

— Ладно, я пойду.

Юньци проводил его до дверей, и Чжу Ди спросил:

— Как в последнее время здоровье императора?

Юньци подшутил над ним:

— Ну вот, еще один мятежник объявился? К чему тебе это знать?

Чжу Ди лукаво усмехнулся:

— Ты прекрасно знаешь, что старик вечно всех подозревает в измене. Спроси я его при встрече о здоровье, так сразу заподозрит, что я затеваю мятеж. Раз уж не могу спросить его об этом лично, приходится справляться у тебя. Вы с Фэн-эром возле него дольше всех. Ну как отец-то?

Юньци, казалось, тронутый его искренностью, прислонился к дверному косяку, мгновение подумал и ответил:

— По правде сказать, неважно.

Чжу Ди изменился в лице:

— Что ты имеешь в виду?

Юньци понизил голос:

— Когда на днях он наказывал Фан Сяожу, то кашлял кровью. Я слышал, что он в зрелые годы забросил боевые искусства и отвлекся на другие дела. Теперь же он изнуряет себя днями и

ночами напролёт и на старость лет совсем ослаб... Боюсь, он не протянет и нескольких лет.

Чжу Ди тяжело вздохнул и засунул руки в рукава, приняв вид праздного князя. Его парчовое платье, украшенный яшмой пояс и вышивка с Таоте — все это лишь подчеркивало в нем образ солдафона, представляя откровенно нелепое зрелище.

И вот Чжу Ди небрежно бросил:

— Шурин, будущие богатства и почести зятя зависят только от тебя...

Юньци развернулся, собираясь принести Императорский меч, и Чжу Ди тут же бросился наутек. Проходя через передний двор, он наспех задержал Тоба Фэна, и они о чем-то коротко переговорили у ворот. Затем Тоба Фэн вошел обратно, и по его странному выражению лица было не ясно, как именно Чжу Ди над ним поглумился.

К счастью, наследником престола назначили Чжу Юньвэня, а не этого солдафона, иначе и представить невозможно, какой хаос воцарился бы в империи, окажись он на троне.

Юньци лениво потянулся, вышел из комнаты и, схватив метлу во дворе, принялся сметать опавшие листья в кучу. Как раз в тот момент Тоба Фэн, засунув за пазуху пачку бумажных денег, поспешно прошел в дом.

Юньци мысленно усмехнулся: «Скорее всего, Чжу Ди пожаловал сыну бумажные деньги, вот он и побежал прятать заначку». Затем он сказал:

— Лао Ба, раздобудь пару бататов. Подождем листья и запечем их.

Тоба Фэн рассеянно отозвался из комнаты:

— Ага.

Юньци продолжал мести, как вдруг заметил в углу двора бумажку. Наклонившись, он поднял её и с нарочито деловым видом прочёл:

— Бумажные деньги... Пять... миллионов?!

Юньци в тот же миг так перепугался, что голос у него сорвался на крик. Сжимая бумажку, он воскликнул:

— Ши-гэ! Я нашёл бумажные деньги, пять миллионов!

Юньци влетел в комнату как угорелый, натолкнувшись на грудь Тоба Фэна. Тот отлепил его пальцы от бумажки, глянул, смял её в комок и отшвырнул:

— Это ритуальные деньги для мертвых.

«...»

— Ты никогда не видел ритуальных денег?

«...»

Сбежавшиеся на шум стражники надрывали животы от смеха. Юньци покраснел до корней волос, и ему захотелось провалиться сквозь землю.

Шел сорок восьмой день после погребения наследного принца Чжу Бяо.

Осенняя прохлада разлилась водой по городу. В Нанкине казнили десятки тысяч человек. Берега реки Циньхуай за одну ночь замерзли от холода.

Сегодня был конец семинедельного обряда* по Чжу Бяо. Стражи Цзиньивэй облачились в траурные одежды и несли патрулирование по всему дворцу. Лишь после сорок девятого дня, завтра на рассвете, Чжу Юаньчжан, Чжу Юньвэнь и прочие члены императорской семьи вывезут гроб из столицы. Затем сын покойного, облачившись в траурные одежды, снимет головной убор, совершит поклоны у гроба и сопроводит его в императорскую усыпальницу в Фэнъяне.

* Согласно буддизму, сознание человека должно переродиться в течение $7 \times 7 = 49$ дней после смерти. Начиная со времен династий Суй и Тан, поминальный обряд совершался каждые 7 дней после кончины человека, всего семь раз.

В памяти Юньци Чжу Бяо оставался всего лишь добропорядочным простаком, всегда улыбчивым и мягким, но совершенно не умевшим подстраиваться под обстоятельства и лишенным чувства юмора. Он не понимал шуток стражников и мог только кивать в ответ. С Хуан Цзычэном они были одного поля ягода.

Чжу Юньвэнь очень походил на покойного наследного принца, но был еще более добродушен. Однако, сравнивая этих отца и сына с Янь-ваном Чжу Ди... Юньци подумал, что лишь Чжу Ди отдалённо напоминал Чжу Юаньчжана в молодости.

Сгущались сумерки, и барабанный бой возвестил о смене караула Цзиньивэй.

Тоба Фэн произвольно расправил воротник, готовясь сменить Юньци, как вдруг лаковые

двери зала Цинхэ* распахнулись.

* Досл. «Зал Празднования Мира» (□□□).

Хуан Цзычэн и пятеро стражей Цзиньвэй вышли наружу. Юньци, стоявший у двери, тихо произнёс:

— Император повелел нам с тобой присутствовать при докладе, а остальным ждать дальнейших распоряжений снаружи.

Зрачки Тоба Фэна внезапно сузились, и на лбу проступил холодный пот.

— Что с тобой? — Юньци всмотрелся в его лицо, но Тоба Фэн молчал. Не ответив, он поднял голову и вошёл внутрь.

Юньци сжал руку Тоба Фэна, и они с безмолвным пониманием разошлись в стороны. Одновременное дежурство командира и заместителя командира Цзиньвэй означало только две вещи:

1. У Чжу Юаньчжана есть дело величайшей секретности.

1. Чжу Юаньчжан намерен кого-то казнить.

В тронном зале пылал свет, и множество масляных ламп, расположенных со всех сторон, направляли лучи на драконий стол, рассеивая в ярком сиянии сгорбленный силуэт дряхлого Чжу Юаньчжана.

Он слабо кашлянул несколько раз и жестом отстранил подошедшего пожилого евнуха.

Тот, согнувшись в почтительном поклоне, вышел из зала. Теперь внутри остались лишь Тоба Фэн, стоявший слева, и Сюй Юньци, стоящий справа.

Чжу Юаньчжан положил на стол платок с кровавым пятном. В этот момент дворцовая дверь вновь распахнулась, и вошёл Чжу Юньвэнь.

В миг, когда захлопнулась дверь, Юньци мельком увидел за ней лицо Хуан Цзычэна, исполненное противоречивых чувств.

— Внук императора приветствует деда-императора. — Глаза Чжу Юньвэня слегка покраснели, когда он склонился в поклоне.

Юньци в душе вздохнул. Чжу Юньвэнь никогда не знал, как скрывать чувства, и совсем не умел вести себя сдержанно. На его лице было написано, что он думал о почившем наследном принце.

Наследный принц был юношей тонких черт, и во взгляде его таилась невыразимая печаль. Чжу Юаньчжан, наблюдая это, тоже вздохнул:

— Ушедших не вернуть, Юньвэнь. Не горюй так сильно, береги себя.

Чжу Юньвэнь кивнул. И в этот миг Юньци вдруг понял, почему именно он сумел выделиться на фоне других.

В императорской семье подлинная искренность была неслыханной редкостью. Сам Чжу Юаньчжан был знатоком придворных интриг. Прозорливый взор императора уже давно проник в тайные помыслы Чжу Ди, зато к Чжу Юньвэню, который предстал перед ним всегда открыто и прямо, не пытаясь ничего скрыть, император питал особую благосклонность.

Чжу Ди было суждено навечно остаться лишь Янь-ваном. Иначе говоря, хитрость и политические интриги были пожизненными сожалениями Чжу Юаньчжана, и, дабы искупить эти сожаления, он желал передать трон безмятежному и свободному духом Чжу Юньвэню. Так, цель, которую он сам не мог достичь, осуществилась бы руками его потомка.

Чжу Юньвэнь вновь поклонился:

— Слушаюсь, дед-император.

И тогда дед с внуком долго молча уставились друг на друга. Наконец, Юньвэнь нарушил тишину, робко спросив:

— Дедушка, вы пойдете завтра сопровождать гроб?

— Разумеется, пойду, — ответил Чжу Юаньчжан.

Чжу Юньвэнь кивнул, слегка успокоившись. Но тот продолжил:

— В этот раз научу тебя, как все следует сделать, и ты вникнешь в порядок действий. Через несколько лет, когда дедушка умрёт, тебе самому придётся вести погребальные обряды. Отвезешь дедушкин гроб в Фэньян и похоронишь рядом с твоим отцом.

Услышав это, Юньвэнь был охвачен внезапной скорбью и заплакал навзрыд.

Чжу Юаньчжан же мягко улыбнулся и, утешая его, промолвил:

— Полно, Юньвэнь, не плачь. Кто бессмертен?

В тот миг Юньци мельком показалось, словно Чжу Юаньчжан уже не был императором, только что казнившим десятки тысяч человек, а скорее походил на доброго и нежного старика.

Чжу Юньвэнь проплакал еще долго и лишь затем, кивнув сквозь слёзы, опустился на колени.

Чжу Юаньчжан произнёс:

— Дедушка уже давно подготовил для тебя империю. Теперь, когда твои дяди держат оборону на границе, ты можешь спокойно править в столице.

Чжу Юньвэнь ещё немного всхлипывал, затем покорно кивнул.

Чжу Юаньчжан добавил:

— Что касается слов советников, можешь их слушать, если пожелаешь, а неугодных приказывать выпороть. Но должность их не упраздняяй. Без них при дворе не обойтись.

Сердце Юньци разом подкатило к горлу. Он почти мог слышать отзвуки бешено колотившегося сердца Тоба Фэна, стоявшего по другую сторону драконьего стола.

Как же Чжу Юаньчжан оценит Цзиньвэй?! Зачем он поднял эту тему при них двоих?!

Убрать одного... чтобы ослабить власть. Убрать одного, чтобы ослабить власть. Убрать одного... убрать одного... Рука Юньци, спрятанная в рукаве, предательски дрожала. Он поднял взгляд на Тоба Фэна. Ему отчаянно хотелось шагнуть к нему и встать рядом, прикрыв его собой.

Чжу Юаньчжан ненадолго задумался, затем начал:

— Цзинь...

Пот заливал лицо Юньци, пропитывая шнурки его головного убора стража.

И уж никак не ожидал Юньци, что в этот миг Чжу Юньвэнь перебьёт Чжу Юаньчжана.

— От внешних врагов меня защитят дяди. Но... что если сами дяди поднимут против меня мятеж? Как же Юньвэню в таком случае быть?

Чжу Юаньчжан тоже не ожидал такого вопроса и на мгновение опешил.

Юньци и Тоба Фэн дружно выдохнули с лёгким облегчением.

Чжу Юаньчжан помолчал, затем спросил:

— И как бы ты поступил?

Чжу Юньвэнь потупился, на мгновение задумавшись. Подняв голову, он ответил:

— Я бы убеждал их при помощи добродетели*, сдерживая их поступки обрядами, затем урезал бы их уделы. А уж в крайнем случае...

* Цитата из Мэн-цзы.

Чжу Юаньчжан ледяным тоном спросил:

— Тебя этому научил Хуан Цзычэн?

Чжу Юньвэнь кивнул, и Чжу Юаньчжан продолжил:

— Это Великий воспитатель велел тебе задать этот вопрос?

Чжу Юньвэнь молча подтвердил его мысль.

Чжу Юаньчжан произнес:

— Юньци, ты из семьи Сюй. Скажи нам, что ты насчет этого думаешь?

У Юньци дыхание застряло в горле, и, не раздумывая, он выпалил:

— Нужно посеять между ними раздор.

Чжу Юньвэнь вздрогнул. Чжу Юаньчжан, казалось, был весьма доволен ответом и неспешно кивнул:

— Если у твоих подданных заведутся мятежные мысли, посеяй между ними раздор и страви между собой... Так ты решишь внутренние проблемы. Но, Юньвэнь, всё же они твои дяди, не нужно доводить все до войны.

Чжу Юньвэнь поклонился, и Чжу Юаньчжан заговорил вновь:

— Хуан Цзычэн — книжный червь, гораздый лишь бы пустословить. Кабинетные ученые наносят стране ущерб, так что слепо верить ему нельзя.

Когда Юньци это услышал, его невольно охватило дикое ощущение абсурда. Всех сподвижников, с кем создавал империю, ты выкосил подчистую, теперь же остались лишь книжные черви. Если Чжу Ди и правда в один день вздумает взбунтоваться, неужели ты пошлешь Хуан Цзычэна вести войска?

Чжу Юаньчжан же продолжал:

— Фан Сяожу — человек строгих принципов. Хоть он и приверженец устарелых взглядов и негибок в суждениях, его стойкость духа достойна похвалы. Можешь говорить с ним почаще.

Чжу Юньвэнь согласился, и тогда Чжу Юаньчжан сказал:

— Ступай. Ложись пораньше. Завтра нам нужно будет выехать из столицы в пятую ночную стражу.

Чжу Юньвэнь поклонился в пол, поднялся и вышел. Лишь одно желание томило теперь Юньци. Чтобы Чжу Юаньчжан следом велел распахнуть двери зала Цинхэ, вызвал остальных стражей Цзиньивэй, и всё вернулось бы в привычное русло.

Однако Чжу Юаньчжан этого не сделал. После ухода Чжу Юньвэня в зале осталось лишь трое.

— Сюй Юньци.

Юньци учтиво поклонился, и с его дрожащих губ сорвался ответ:

— Ваш слуга здесь...

Чжу Юаньчжан сомкнул брови, и на иссохшем старческом лице вспыхнуло убийственное намерение.

«...»

Во взгляде Тоба Фэна читалось полное недоверие.

Юньци судорожно глотал воздух. Казалось, словно он затвердел, распирая лёгкие нестерпимой болью. Он шагнул в центр зала, упал на колени и произнёс:

— Ваш слуга здесь.

В тот миг его сознание работало с бешеной скоростью. Как спасти Тоба Фэна, как оправдать действия Цзиньивэй, как выказать преданность, присягнуть жизнью, снять с себя вину... Бесчисленные пути спасения вихрем проносились в голове.

Чжу Юаньчжан произнёс:

— Заместитель командира Цзиньивэй Сюй Юньци, признаешь ли ты свою вину?!

Эти слова ударили, как гром среди ясного неба, полностью опустошив все сознание Юньци.

Чжу Юаньчжан вытащил доклад и швырнул его на пол, прямо перед Юньци.

Глядя на бумагу, тот ощутил, будто его до костей пронзил ледяной ужас.

В докладе содержалась биография Чжан Циня — с рождения до нынешних дней, все мельчайшие подробности. Императорской киноварью были выделены ключевые места, а на полях стояла собственноручная пометка: «Лань Мо».

В голове Юньци оглушительно загудело. Он отказывался верить. Всё это время ему казалось, что удар придёт по Тоба Фэну, ведь он сам родственник императорской семьи, отпрыск рода Сюй, сын заслуженного чиновника Сюй Да. Он никак не ожидал, что вина может пасть на него.

Но он недооценил ум Чжу Юаньчжана.

Вдруг всё дело Лань Юя — причины, следствия — прояснилось до жути. Вся эта паутина была ловушкой, сплетённой Чжу Юаньчжаном!

С тех самых пор, как он оклеветал Лань Юя в измене, как Цзян Хуань передал тайный доклад, Чжу Юаньчжан уже намеренно использовал самого Юньци для утечки информации, чтобы создать видимость, словно Лань Юй, страшась наказания, бежал!

— Горе от ума, Юньци. Теперь уразумел? — ледяным тоном произнёс Чжу Юаньчжан: — Тоба Фэн.

С того самого момента, как Юньци опустился на колени, Тоба Фэн стоял в оцепенении, не отрывая остекленевшего взгляда от Сюй Юньци, распростёртого перед тронном.

— Тоба Фэн! Слушай мой приказ! — гневно вскрикнул Чжу Юаньчжан.

Тоба Фэн наконец пришел в себя. Выражение его лица ясно говорило, что он вовсе не понимал, что происходит.

— Ваш слуга... здесь.

Тоба Фэн вскинул полы халата и в смятении бросился вперед, опустившись на колени рядом с Юньци. Припав к полу, он выкрикнул:

— Всё содеянное есть своеволие вашего слуги! Заместитель Сюй тут совершенно не причём! Ваш слуга... заслуживает десяти тысяч смертей!

«...»

Чжу Юаньчжан в изумлении замолчал.

Он долго всматривался в Тоба Фэна, тщетно пытаясь понять подоплеку его действий. Но Юньци уже тихо произнёс:

— Ваш виновный слуга своевольно отпустил Чжан Циня и Лань Мо, по закону такое преступление карается смертью. Каждый отвечает за свои собственные поступки. Тоба Фэн совершенно об этом не знал. Ваш слуга готов принять наказание.

Чжу Юаньчжан глухо произнес:

— Раз признал вину, Тоба Фэн, уведи его под стражу. Завтра в полдень...

Тоба Фэн резко вдохнул и поднялся на ноги.

Чжу Юаньчжан, восседавший за драконьим столом, мгновенно прищурился и едва заметно отодвинулся на полцуня назад.

Тоба Фэн шагнул вперед и снова рухнул на колени, наполовину прикрыв собой Юньци. Вдруг с размаху он ударился лбом о пол, и с глухим стуком хлынула свежая кровь.

— В приказе отпустить мятежников виновен Фэн! Юньци непричастен! Фэн заслуживает десяти тысяч смертей! — громко проревел Тоба Фэн.

Чжу Юаньчжан в ярости воскликнул:

— Тоба Фэн! Что ты замыслил?! Стража! Кто из Цзиньивэй у дверей, сюда!

В этот миг Юньци дёрнул запястьем, поднял голову и встретился взглядом с Чжу Юаньчжаном.

Волна убийственного намерения внезапно сомкнулась вокруг Чжу Юаньчжана. Кончики пальцев Юньци сжимали тонкий клинок Чаньби, и лезвие непрерывно дрожало.

Глаза Тоба Фэна наполнились ужасом. Он развернулся и мертвой хваткой вцепился в запястье Юньци!

Бам! Двери зала Цинхэ распахнулись от удара, и внутрь ворвалось с десятков стражей Цзиньивэй.

Вслед за ними, запыхавшись, вбежал евнух, и в голосе его звенела паника:

— Ваше Величество! Беда! Наследный принц...

Чжу Юаньчжан, уже взбешенный, от неожиданного крика едва не харкнул кровью. Теперь ему было не до Юньци и Тоба Фэна. Он уставился на евнуха, прибывшего доставить сообщение, с лицом, искажённым тревогой и недоверием.

— ...Только что внук императора... у гроба... жег ритуальные деньги... явился призрак наследного принца и увёл душу внука императора за собой!

Тоба Фэн выдохнул с облегчением, и в уголке его губ мелькнула улыбка. Он ослабил хватку на запястье Юньци, а затем, обратной стороной ладони коснувшись его пальцев, легонько сжал их.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326069>